

Электронная библиотека Гражданское общество в России

И. Кант

Метафизика нравов

Этическое учение о началах. Часть вторая

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_6.pdf

Текст произведения используется в научных, учебных и культурных целях (Ст.1274 ГК РФ)

Иммануил Кант

Метафизика нравов

Часть вторая Метафизические начала учения о добродетели

І. Этическое учение о началах

Этического учения о началах часть вторая Об обязанностях добродетели по отношению к другим

Глава первая. Об обязанностях по отношению к другим только как людям

Раздел первый. О долге любви к другим людям

Деление

§ 23

Основным может быть делением следующее: деление обязанности по отношению к другим — поскольку выполнением этих обязанностей налагается в то же время обязательность на других — и на такие обязанности, выполнение которых не имеет своим следствием обязательность других. — Выполнение обязанностей первого рода (по отношению к другим) есть долг, ставящийся в заслугу, выполнение второго рода обязанностей есть долг, [вытекающий из] обязательства.— Любовь и уважение — чувства, сопутствующие выполнению этих обязанностей. Они могут оцениваться отдельно (каждое само по себе) и самостоятельно существовать {любовь к ближнему, хотя бы этот последний заслуживал мало уважения; точно так же необходимое уважение к каждому человеку, несмотря на то что вряд ли его можно считать достойным любви). Но с точки зрения закона они в сущности всегда связаны друг с другом в едином долге; однако связаны они так, что то одно, то другое из этих чувств составляет самый принцип в субъекте, причем то, которое не составляет принципа, связано с другим как побочное. Так, мы признаем, что наш долг — благодетельсгвовать бедным; но поскольку такого рода благосклонность содержит в себе также зависимость блага этого бедняка от моего великодушия, которое все же унижает его, то наш долг избавить его, получающего благодеяние], от унижения при помощи такого поведения, которое представило бы наше благодеяние либо просто как исполнение обязанности, либо как незначительную любезность, и таким образом сохранить его уважение к самому себе.

§ 24

Когда речь идет о законах долга (а не о законах природы), и именно во внешних взаимоотношениях людей, то мы рассматриваем себя в некоем моральном (умопостигаемом) мире, в котором по аналогии с физическим миром связь разумных существ (на Земле) между собой вызывается притяжением и отталкиванием. Принцип взаимной любви учит постоянно сближаться межр,у собой; принцип уважения, которое они обязаны оказывать друг другу,— держаться в отдалении друг от друга, и если бы одна из этих великих нравственных сил ослабла, то (если воспользоваться, хотя и в иной связи, словами Галлера) «(аморальное) ничто с разверстой пастью как каплю воды проглотило бы все царство (моральных) существ».

§ 25

Однако любовь мы понимаем здесь не как чувство (не эстетически), т. е. не как удовольствие от совершенства других людей, и не как любовьсимпатию (ведь со стороны других не может налагаться обязанность питать чувства); любовь должна мыслиться как максима благоволения (практическая), имеющая своим следствием благодеяние.

То же самое надо сказать относительно уважения, которое мы должны оказывать другим, а именно что под уважением подразумевается не просто чувство, возникающее] из сравнения нашего собственного достоинства с достоинствами других (такое чувство испытывает по привычке ребенок к своим родителям, ученик к учителям, вообще нижестоящий к вышестоящему), а только максима ограничения нашего самоуважения достоинством человечества в лице другого, стало быть уважение в практическом смысле (observantia aliis praestanda).

Точно так же долг свободного уважения к другим, будучи в сущности негативным долгом (не ставить себя выше других), аналогичен правовому долгу — никого не лишать его свое, хотя просто как долг добродетели он рассматривается по отношению к долгу любви как долг в узком смысле, а долг любви, следовательно,— как долг в широком смысле.

Долг любви к ближнему может быть, следовательно, выражен и так: это долг делать цели других (если только эти цели не безнравственны)

моими; долг уважения к моему ближнему содержится в максиме не низводить людей до степени простого средства для достижения] моих целей (не требовать от другого человека, чтобы он унизил себя, став рабом моей цели).

Исполняя долг любви к кому-нибудь, я в то же время обязываю другого; я, таким образом, имею перед ним заслугу. Соблюдением же долга уважения я обязываю исключительно самого себя,— я удерживаю себя в соответствующих рамках, дабы ничего не отнять у другого от того достоинства, которое он как человек вправе сам себе придать.

О долге любви прежде всего

§ 26

Любовь к людям (человеколюбие), так как она мыслится здесь как любовь практическая, стало быть, не как любовь-симпатия к человеку, должна быть отнесена к деятельному благоволению и, таким образом, к максиме поступков.— Тот, кто находит удовольствие в благополучии (salus) людей, поскольку он рассматривает их только как таковых, тот, кому бывает хорошо, когда хорошо всем другим, называется другом людей (человеколюбцем) вообще. Тот, кому хорошо только тогда, когда другим плохо, называется человеконенавистником (мизантропом в практическом смысле). Тот, кому безразлично, как обстоят дела у других, лишь бы у него самого было все в порядке,— эгоист (solipsista).— Того, кто избегает людей, потому что не может найти в общении с ними никакого удовольствия, хотя и желает им всем добра, можно назвать нелюдимом (эстетическим мизантропом), а его отвращение к людям — антропофобией.

§ 27

Максима благоволения (практическое человеколюбие) — долг всех людей друг перед другом (все равно, считают их достойными любви или нет) согласно этическому закону совершенства: люби ближнего своего как самого себя.— В самом деле, всякое морально практическое отношение к людям — это отношение людей в представлении чистого разума, т. е. отношение свободных поступков по максимам, которые пригодны в качестве общего законодательства и, следовательно, не могут быть

эгоистическими (ex solipsismo prodeuntes). Я желаю благоволения (benevolentiam) ко мне со стороны каждого другого человека, следовательно, я сам должен благоволить ко всем другим. Но так как все другие помимо меня были бы не все и, стало быть, максима не имела бы в себе всеобщности закона, необходимой для наложения обязательства, то закон долга благоволения будет включать меня как объект этого благоволения в веление практического разума; это не значит, будто тем самым на меня налагается обязательство любить самого себя (ведь это неизбежно и так, и для этого не требуется обязательства); это значит, что не человек, а законодательствующий разум, включающий в свою идею человечества вообще весь человеческий род (следовательно, и меня), [именно] как устанавливающий всеобщие законы вменяет мне в долг, равно как и всем окружающим, взаимное благоволение в соответствии с принципом равенства и разрешает благоволить к самому себе при условии, что я желаю добра всем другим; ибо только таким образом максима (благодеяния) пригодна в качестве всеобщего законодательства, на чем и основывается всякий закон долга.

§ 28

Благоволение в [сфере] всеобщей человеческой любви, по своему охвату, правда, самое большое, но по степени самое малое, и когда я говорю: я принимаю участие в благе этого человека только ввиду всеобщей человеческой любви, интерес, ко юрый я здесь проявляю, наименьший из всех возможных интересов. Я всего лишь не безразличен к данному человеку.

Но все же один мне ближе, чем другой, и в благоволении я ближе всего к себе. Как же это согласуется с формулой: «Люби ближнего своего как самого себя»? Если один мне ближе (в долге благоволения), чем другой, и я, следовательно, обязан большим благоволением к одному, чем к другому, а к самому себе, признаться, ближе (в соответствии с самим долгом), чем к другим, то я не могу утверждать, не противореча самому себе, что я должен каждого человека любить как самого себя; ведь мерило себялюбия не допускает различия по степени. Нетрудно заметить, что здесь подразумевается не просто благоволение желания, — которое, собственно, представляет собой лишь удовлетворение от блага каждого другого без того, чтобы надо было чем-нибудь содействовать этому благу

(каждый за себя, один бог за всех нас),— а деятельное, практическое благоволение, заключающееся в том, чтобы сделать своей целью благополучие другого человека (благодеяние). Действительно, я стремлюсь одинаково благоволить ко всем, но в моих поступках может быть очень различная степень [благоволения] к любимым [мною] (один из них мне может быть ближе, чем другой), и при этом не нарушается всеобшность максимы.

Деление обязанностей любви

Обязанности эти следующие: А) долг благотворения, В) благодарности, С) участия.

А. О долге благотворения

§ 29

Ни в чем себе не отказывать, насколько это нужно, чтобы находить удовольствие в жизни (заботиться о своем теле, но не доводя его до изнеженности),— это относится к обязанностям по отношению к самому себе; противоположное этому — из скупости (рабски) лишать себя жизненно необходимого или же из-за чрезмерной дисциплины своих естественных склонностей (фанатически) лишать себя наслаждения радостями жизни — противоречит долгу человека перед самим собой.

Возможно ли, однако, кроме благоволения желания в отношении других людей (которое нам ничего не стоит) требовать еще и того, чтобы оно было практическим, т. е. чтобы благодеяние в отношении нуждающихся в нем было долгом каждого, кто в состоянии его совершать?— Благоволение есть удовольствие от счастья (благополучия) других; благодеяние же — максима делать это своей целью; долг благодеяния есть принуждение субъекта со стороны разума к принятию этой максимы в качестве всеобщего закона.

Однако вовсе не очевидно, что такой закон вообще имеется в разуме; наоборот, наиболее естественной представляется максима: «Каждый за себя, один бог (судьба) за всех нас».

§ 30

Долг каждого человека — благотворить, т. е. по мере возможности помогать людям и содействовать их счастью, не надеясь получить за это какое-либо вознаграждение.

В самом деле, каждый человек, находящийся в беде, желает, чтобы другие оказали ему помощь. Если бы, однако, он разгласил свою максиму, [состоящую в том], что он со своей стороны не хочет оказывать другим помощь в беде, т. е. сделал бы ее всеобщим дозволяющим законом, то, в случае когда он сам окажется в беде, любой также отказал бы ему в помощи или по крайней мере был бы вправе отказать Таким образом, максима своекорыстия, если сделать ее всеобщим законом, сама себе будет противоречить, т. е. она противна долгу, следовательно, общеполезная максима благодеяния в отношении нуждающихся — всеобщий долг людей, и именно потому, что людей следует рассматривать как ближних, т. е. как нуждающихся [в помощи] разумных существ, собранных природой на одном и том же просгранстве для взаимной поддержки.

§31

Благотворитель, который богат (в избытке, т. е. сверх своих обеспечен средствами, [необходимыми] для счастья потребностей, других), вряд ли должен считать свое благодеяние долгом, ставящимся в заслугу, несмотря на то, что своим благодеянием он обязывает других. Удовольствие, которое он себе доставляет этим и которое не требует от него никаких жертв, — это способ испытывать блаженство от морального удовлетворения. — Он ни в коем случае не должен показывать вид, что он предполагает своим благодеянием обязать другого: в таком случае оказанное другому благодеяние не было бы истинным, поскольку он выказал намерение наложить на него обязательность (что всегда унижает другого в его собственных глазах). Наоборот, тот, кто оказывает благодеяние, должен, скорее, сделать вид, что он сам обязан или считает честью для себя то, что другой принял это благодеяние, и тем самым должен изобразить этот долг всего лишь своей обязанностью, если он вообще не совершает акт своего благотворения в полной тайне (что гораздо лучше).— Эта добродетель выше, если средства для благодеяния ограничены и благотворитель оказывается достаточно сильным, чтобы

молчаливо принять на себя неприятности, от которых он избавляет другого; в этом случае его следует рассматривать действительно как морально богатого человека.

Казуистические вопросы

До какого предела можно расходовать свои средства благотворительные цели. Разумеется, не до такого предела, чтобы в конце концов самому нуждаться в благотворении других. Много ли стоит благодеяние, которое оказывают с холодным сердцем (уходя из жизни, через завещание)? — Может ли тот, кто осуществляет дозволенную ему законом страны власть над другим лицом, которого он лишает свободы устроить свою жизнь согласно своим понятиям о счастье (над подчиненным ему наследником его имущества), может ли, спрашиваю я, такой человек считать себя благодетелем, если он как бы отечески заботится о своем наследнике в соответствии со своими понятиями о счастье? Или же наоборот, несправедливость, состоящая в лишении когото свободы, представляет собой нечто до такой степени противоречащее правовому долгу вообще, что согласие на это условие в расчете на благотворение господ было бы величайшим унижением человеческого достоинства со стороны того, кто бы пошел на это добровольно, а попечение о нем господ вовсе не было бы благотворением? Или, может быть, заслуга такого благотворения окажется столь большой, что она перевесит [нарушение] права человека? — Я никому не могу благотворить соответствии с моими понятиями о счастье (никому, несовершеннолетних и умалишенных), а могу благотворить лишь в соответствии с понятиями того, кому я собираюсь оказать благодеяние; а навязывая ему свой дар, я действительно не оказываю ему никакого благодеяния.

Возможность благотворить, связанная с наличием случайно приобретенного богатства,— это большей частью следствие привилегий, которые несправедливо получают разные люди от правительства, устанавливающего неравенство благосостояния, делающее необходимым благотворительность других. Заслуживает ли вообще при таких обстоятельствах помощь, оказываемая богатым человеком нуждающемуся, названия благотворения, которым так часто кичатся как заслугой?

В. О долге благодарности

Благодарность — это почтение лицу, оказавшему K благодеяние. Чувство, связанное с таким суждением, — это чувство уважения благотворителю (которому обязан принимающий благодеяние), отношение же благотворителя получателю K рассматривается лишь как отношение любви. Уже одно лишь сердечное благоволение другого человека, без физических следствий [из него], заслуживает название долга добродетели; это лежит в основе различия благодарностью между леятельной И просто благодарностью, выражающейся лишь в чувстве.

§32

Благодарность — долг, т. е. не просто максима благоразумия: засвидетельствованием моей обязательности по поводу выпавшего на мою долю благотворения побудить другого к еще большему благодеянию (gratiarum actio est ad plus dandum invitatio); ведь в таком случае я пользуюсь этой максимой лишь как средством для других моих целей; благодарность — это непосредственное принуждение со стороны морального закона, т. е. долг.

Но благодарность следует еще рассматривать особо как священный долг, т. е. такой долг, нарушение которого (как позорный пример) может в самом принципе уничтожить моральный мотив благодеяния. Ведь священен тот моральный предмет, обязательность в отношении которого не может быть полностью возмещена никаким соответствующим актом (при котором тот, кто обязан, все еще остается обязанным). Любой другой долг представляет собой обычный долг.— Однако никаким вознаграждением нельзя рассчитаться за принятое благодеяние, так как тот, кто его принял, никогда не сможет отнять у дарителя его преимущество, а именно заслугу быть первым в благоволении.— Но и без такого акта (благодеяния) уже само сердечное благоволение есть основание для обязательства к благодарности. Такого рода образ мыслей называется признательностью.

§33

Что касается сферы распространения (Extension) благодарности, то она охватывает не только современников, но и предков, даже тех, имя которых нельзя назвать с достоверностью. Именно по этой причине считается неприличным не защищать по мере возможности от всяких нападок, обвинений и пренебрежения стариков, которых можно рассматривать как наших учителей; но при этом глупой иллюзией было бы приписывать им только за то, что они старше, преимущество в таланте и доброй воле перед молодым поколением, как будто мир по законам природы постепенно утрачивает первоначальное совершенство, и презирать все новое, сравнивая его со старым.

касается интенсивности (Intension), т. e. степени обязательности указанной добродетели, то ее следует определить по тому, какую пользу извлек обязываемый из благодеяния и бескорыстно оно было оказано. Наименьшая степень: благотворителю равную услугу, если он может ее принять (еще жив), а если его уже нет на свете, оказывать их] другим; [при этом] не надо рассматривать принимаемое благодеяние как бремя, от которого охотно хотели бы избавиться (ибо в таком случае облагодетельствованный стоит ступенью ниже своего покровителя и это задевает его гордость); напротив, надо уже само стремление к доброму делу воспринимать как моральное благодеяние, т. е. как представившийся повод связать эту добродетель c человеколюбием, которое вместе c искренностью доброжелательного образа мыслей представляет собой и сердечность (внимание к малейшей степени благоволения человеколюбия представлении о долге), и таким образом культивировать человеколюбие.

С. Участливость есть долг вообще

§34

Разделенная радость и сострадание (sympathia moralis) — это, правда, чувственные восприятия (sinnliche Gefbhle) удовольствия или неудовольствия (называемого поэтому эстетическим) от состояния удовольствия или страдания другого человека (сочувствие, участливость), восприимчивость к которым заложила в человека уже сама природа. Но использовать эту восприимчивость как средство поощрения деятельного и

разумного благоволения — это еще особый, хотя лишь условный, долг, который носит название человечности (humanitus): человек здесь рассматривается не только как разумное существо, но и как одаренное разумом животное. Человечность можно усмотреть в способности и воле делиться друг с другом своими чувствами (humanitas practica) или же просто в восприимчивости к общему ощущению удовольствия или страдания (humanitas aesthetica), что дано самой природой. Первого рода человечность свободна и потому называется участливой (communio sentiendi liberalis) и основывается на практическом разуме; второго рода человечность несвободна (communie sentiendi illiberalis, servilis) и может называться сообщительной (наподобие тепла или заразной болезни), а также состраданием, потому что она естественно распространяется среди живущих рядом людей. Обязательность существует только к первому виду человечности.

У мудреца, каким его мыслил себе стоик, был возвышенный способ представлений; стоик вкладывает в его уста следующие слова: «Я желаю иметь друга не для того, чтобы он помогал мне в бедности, при болезни, в неволе и т. д., а для того, чтобы я мог ему оказывать поддержку и тем спасти человека», и тот же самый мудрец говорит сам себе, когда друга его спасти уже нельзя: «Что мне до этого?», т. е. он отвергает всякое] сострадание.

В самом деле, если другой страдает и его боль, которую я не в состоянии устранить, глубоко трогает меня (посредством силы воображения), то страдают уже] двое, хотя несчастье, собственно (в природе), постигло лишь одного. Но ведь не может быть долгом умножение несчастья в мире, а стало быть, не может быть долгом совершение благодеяний ИЗ сострадания; ЭТО был оскорбительный способ благодеяния, так как оно выражает благоволение, которое относится к недостойному и называется милосердием я которое не должно проявляться в отношении друг друга у людей, как раз не имеющих права похвастаться тем, что они достойны счастья.

§35

Однако хотя сострадать другим, а также радоваться за других само по себе не долг, все же это деятельное участие в судьбе ближнего, и потому косвенный наш долг — культивировать в себе естественные (эстетические) чувства сострадания и использовать их как средства

участия из моральных принципов и соответствующего им чувства.— Следовательно, [наш] долг не обходить стороной жилища бедняков, у которых нет самого необходимого, а, наоборот, разыскивать эти жилища; не избегать больниц или долговых тюрем и тому подобных заведений с целью уклониться от мучительного сострадания, от которого невозможно удержаться, ибо это одно из заложенных в нас природой побуждений делать то, чего представление о долге само по себе выполнить не может.

Казуистические вопросы

Не лучше ли обстояло бы дело с благом в мире, если бы вся моральность людей ограничивалась лишь правовыми обязанностями, но [выполняемыми] с величайшей добросовестностью, а благоволение причислялось бы к вещам безразличным? Не так легко охватить взглядом, какие последствия это имело бы для счастья людей. Но нет сомнений, что в таком случае не было бы великого морального украшения мира, а именно человеколюбия, которое и без расчета на выгоду (счастье) нужно само по себе для того, чтобы мир предстал перед нами как прекрасное моральное целое, во всем своем совершенстве.

Благодарность — это, собственно, не ответная любовь обязываемого к благотворителю, а уважение к нему. В самом деле, в основу всеобщей любви к ближним может и должно быть положено равенство обязанностей; в благодарности же лицо обязываемое стоит ступенькой ниже своего благотворителя. He это причина некоторого ЛИ рода неблагодарности, например когда гордость не позволяет видеть кого-либо стоящим выше себя? [Или] когда испытывают неприязнь от того, что нельзя стоять с кем-то (в том, что касается отношений долга) на равной ноге?

О прямо (contrarie) противоположных человеколюбию пороках человеконенавистничества

§36

Эти пороки составляют отвратительное семейство зависти, неблагодарности и злорадства.— Ненависть здесь, однако, не открытая и грубая, а тайная и замаскированная, что добавляет к забвению долга

перед своим ближним еще низость, и таким образом нарушает также долг перед самим собой.

А. Зависть (livor) есть склонность воспринимать с неудовольствием благополучие других, хотя оно не наносит никакого ущерба его благополучию; когда она проявляется в поступке (направленном на то, чтобы лишить блага другого), она называется черной завистью, в остальных же случаях — просто недоброжелательством (invidentia); зависть все же представляет собой лишь косвенно злонравный образ мыслей, а именно досаду от того, что мы видим, как чужое благополучие заслоняет наше собственное; потому что мы не умеем оценивать наше благо по его внутреннему достоинству, а делаем эту оценку наглядной, лишь сравнивая наше благо с благом других. Поэтому, вероятно, и говорят о завидном согласии и счастье в браке, в семье и т. д., как будто бы есть такие случаи, когда дозволено кому-то завидовать. Побудительные мотивы зависти заложены, следовательно, в природе человека, и лишь их внешнее проявление превращает ее в отвратительный угрюмой страсти, терзающей человека и стремящейся разрушению счастья других, хотя бы только мысленно; [порок этот], стало быть, противен цоату человека перед самим собой и перед другими.

В. Неблагодарность по отношьаию к своему благотворителю, когда она доходит до ненависти к нему, называется черной неблагодарностью, в прочих же случаях — лишь отсутствием признательности, и хотя в общественном мнении она в высшей степени отвратительный порок, однако из-за нее человек пользуется столь дурной славой, что не считается невероятной возможность нажить себе врага в результате оказанных [кому-либо] благодеяний.— Причина возможности такого порока заключается в неправильно понятом долге перед самим собой, а именно не нуждаться в благотворении других и не требовать его, потому что оно налагает на нас обязательность в отношении Других, и лучше самим переносить жизненные тяготы, чем обременять ими других и тем самым становиться их должниками (обязываемыми); дело в том, что мы боимся оказаться, таким образом, ступенью ниже нашего покровителя, стать к нему в отношение покровительствуемого, что противно истинному самоуважению ([состоящему в том, чтобы] гордиться достоинством человечества в своем собственном лице). Поэтому мы так щедры в нашей благодарности по отношению к тем, кто неизбежно должен был опередить нас в благодеянии (по отношению к предкам в нашей памяти или по отношению к родителям), но скудны по отношению к нашим

современникам, более того, чтобы как-то сделать незаметным это неравенства, часто отношение доказывается нечто прямо противоположное.— Но в таком случае это порок, возмущающий человечество, и не только из-за ущерба, который подобный пример может нанести людям, отпугивая их от дальнейшего благотворения (ибо люди могут с истинно моральным образом мыслей полагать, что как раз любым подобным вознаграждением пренебрежение придает благодеянию более высокую внутреннюю моральную ценность), а потому что человеколюбие здесь поставлено как бы на голову и отсутствие любви низводится до права ненавидеть любящего.

С. Злорадство, представляющее собой прямую противоположность участливости, также не чуждо человеческой природе; хотя, когда оно доходит до такой степени, что способствует самому несчастью и злу, оно как явное злорадство делает очевидным человеконенавистничество и обнаруживает себя во всей своей гнусности. По законам воображения, а именно по законам контраста, в самой природе заложена возможность сильнее чувствовать свое благополучие и даже свое хорошее поведение, когда несчастье и позор других как бы подкладываются под наше собственное благосостояние как фольга, чтобы показать его еще в более ярком свете. Но выказывать непосредственную радость по поводу существования подобных безобразий, разрушающих всеобщее благо, а стало быть, и желать, чтобы они происходили, — это не что иное, как тайное человеконенавистничество и прямая противоположность любви к ближнему, которая есть наш долг.—Заносчивость людей, живущих все время в благополучии, и самомнение как результат хорошего поведения в сущности только при счастливом стечении обстоятельств, позволивших пока не поддаться соблазну публичного проявления своего которые самолюбивый человек считает порока). своей порождают это злорадство; такое злорадство прямо противоположно долгу, вытекающему из принципа участливости (например, участливости честного Хремета у Теренция: «Я человек, и все, что случается с людьми, касается и меня»).

Самое сладостное злорадство, притом имеющее видимость высшего права и даже обязательности (как жажда справедливости) ставить своей целью ущерб, причиняемый другим без всякой выгоды для себя,— это жажда мести.

Каждый поступок, задевающий право человека, заслуживает посредством которого виновному наказания. отмщают преступление (а не просто возмещают причиненный ущерб). Однако наказание есть акт не частной власти обиженного, а отдельного от него суда, который придает законам силу высшей власти, стоящей над всеми, кто подчинен суду, и если рассматривать людей в правовом состоянии, как это и необходимо в этике, но с точки зрения законов чистого разума (а не с точки зрения гражданских законов), то никто не правомочен назначать наказания и мстить за обиды, нанесенные людьми, кроме того, кто есть также высший моральный законодатель, — и только он один (а именно бог) может сказать: «Мне отмщение и аз воздам». Следовательно, долг добродетели не только не отвечать ненавистью, даже из одного лишь чувства мести, на враждебность других, но и никогда не взывать о мести даже к судье мира отчасти потому, что человек сам достаточно осознает собственную вину, чтобы сильно нуждаться в прощении, отчасти и главным образом потому, что никакое наказание, от кого бы оно ни исходило, нельзя назначать из ненависти. — Вот почему миролюбие (placabilitas) есть долг человека; но с этим не следует смешивать бессильную терпимость к обидам (mitis iniuriarum patientia) как отказ от жестоких (rigorosa) средств, необходимых для того, чтобы предупреждать оскорбление со стороны других в будущем; ведь это означало бы попрание моих прав другими и нарушение долга человека перед самим собой.

Примечание

Все пороки, которые могли бы сделать ненавистной самое человеческую природу, если бы они (как действенные пороки) приобрели значение принципов, с объективной точки зрения антигуманны, но с субъективной точки зрения они все же человеческие, т. е. такие, по каким мы познаем в опыте наш род. И пусть даже некоторые из них можно было бы в пылу отвращения назвать дьявольскими, равно как противоположные им (качества] — ангельскими добродетелями, все же оба этих понятия только идеи некоего максимума, который мыслится как мерило при сравнении степени моральности, когда человеку указывается его место либо на небесах, либо в аду, вместо того чтобы превратить его в некое среднее существо, не занимающее ни одного из этих мест. Мы не будем здесь выяснять, постигла ли Галлера большая удача с его

«двузначным существом, полуангелом, полускотом». Но раздваивание при сочетании двух разнородных вещей никогда не ведет к определенному понятию, и ничто не может привести нас к нему в ряду существ, построенном в соответствии с неизвестным нам делением на классы. Первое противопоставление (ангельской добродетели и дьявольского порока) — это преувеличение. Второе, хотя люди, увы, предаются скотским порокам, все же не дает права приписывать им склонность к ним как присущую их виду, так же как уродства отдельных деревьев в лесу еще не дают основания относить эти деревья к особому виду растений.

Раздел второй. Об обязанностях добродетели по отношению к другим людям из уважения, которое они заслуживают

§37

Умеренность в притязаниях вообще, т. е. добровольное ограничение себялюбия человека себялюбием других, называется скромностью. Отсутствие такой умеренности (нескромность) в отношении достойности быть любимым другими называется самолюбием (philautia). Нескромность же притязания на уважение со стороны других есть самомнение (arrogantia). Уважение, которое я питаю к другим или которое другие могут потребовать от меня (observantia alliis praestanda), есть, следовательно, признание достоинства (dignitas) в другом человеке, т. е. достоинства, не имеющего ни цены, ни эквивалента, по которому можно выменять объект почитания (aestimii).— Суждение о вещи как о чем-то не имеющем ценности есть презрение.

Каждый человек правомерен притязать на уважение своих близких, и со своей стороны он также обязан уважать других.

Принадлежность к роду человеческому (die Menschheit) само уже достоинство; ибо ни один человек не может пользоваться другим человеком (и даже самим собой) как средством, он всегда должен в то же время быть целью, и именно в этом состоит его достоинство (личность), благодаря которому он стоит выше всех остальных живых существ — не людей, которыми все же можно пользоваться, стало быть, выше всех вещей. Так же как человек не может отдать себя ни за какую цену (что противоречило бы долгу самоуважения), точно так же он не может поступить против столь же необходимого уважения к другим как людям,

т. е. он обязан практически признавать достоинство человечества во всех других людях; стало быть, на человеке лежит долг, связанный с уважением, которое необходимо следует оказывать всем другим.

§39

Презирать (contemnere) других, т. е. отказывать им в уважении, с которым надлежит относиться к человеку вообще, во всех случаях противно долгу, ибо они люди. Внутреннее пренебрежение (despicatui habere) к ним в результате сравнения с другими подчас, правда, неизбежно, но внешнее выражение его все же есть оскорбление.— То, что опасно, не есть предмет презрения, и потому порочный человек, если он опасен, также не предмет презрения; а если этот человек бессилен причинить мне вред, что дает мне право сказать: «Я его презираю», то это означает лишь следующее: «Теперь нет никакой опасности, хотя я и не позаботился о какой-либо защите против него, так как он сам себя выдает своей испорченностью». Тем не менее я не могу даже порочному как человеку совсем отказать в уважении, которое нельзя у него отнять по крайней мере как у человека, хотя он своим поступком и делает себя недостойным этого уважения. Так, существуют позорные, бесчестящие само человечество кары (например, четвертование, растерзание собаками, отрезание носа и ушей), которые не только для человека, дорожащего своей честью (притязающего на уважение других, что должен делать каждый), тяжелее, чем потеря состояния и жизни, но и у зрителей вызывают краску стыда за принадлежность к роду, с которым можно так обращаться.

Примечание

На этом основывается долг уважения к человеку даже в логическом применении его разума: не следует поносить допущенные разумом ошибки как бессмыслицу, нелепое суждение и т. п., а, наоборот, надо исходить из того, что в этом [нелепом] суждении все же должно содержаться зерно истины, и пытаться отыскать это зерно; при этом, однако, надо раскрывать и обманчивую видимость (субъективное в определяющих основаниях суждения, признаваемое за объективное) и, объясняя таким образом возможность заблуждения, все же отдавать рассудку человека, [высказавшего такое суждение], дань уважения. В

самом деле, если с помощью приведенных выше выражений отказывать своему противнику в каком бы то ни было понимании,' то как можно убедить его, что он допустил ошибку? — Точно так же обстоит дело с упреком в порочности, который никогда не должен превращаться в полное презрение и отказ порочному человеку в какой бы то ни было моральной ценности: согласно такому предположению он никогда не сможет исправиться; а это не совместимо с идеей человека, который, как таковой (как существо моральное), никогда не может исчерпать все свои задатки доброго.

§ 40

Уважение к закону, которое субъективно характеризуется как моральное чувство, есть то же, что сознание своего долга. Именно поэтому оказание уважения человеку как моральному (высоко чтящему свой долг) существу само есть долг и право, от притязания на которое он не может отказаться.— Такого рода притязание называют любовью к проявление которой внешнем называется чести, во поведении почтенностью (honestas externa), а нарушение ее — позором: пример пренебрежения почтенностью, который может стать заразительным; хотя подавать такой пример в высшей степени противно долгу, однако брать пример с чего-то диковинного (paradoxen), пусть в остальном хорошего, заблуждение (так как необычное считают также и недозволенным) и опасная, пагубная для добродетели ошибка.— Ведь вытекающее из обязанности уважение к другим, подающим пример людям не должно вырождаться в слепое подражание (когда обычай, mos, возводится в степень закона); такая тирания народного обычая противна долгу человека перед самим собой.

Неисполнение долга любви — это прегрешение против нравственности (рессаtum). Но неисполнение долга, вытекающего из обязательного уважения к каждому человеку вообще, есть порок (vitium). В самом деле, забвением первого долга ни одному человеку не наносится оскорбление; неисполнением же второго долга ущемляется законное притязание человека.— Первое нарушение контрарно противоположно долгу (contrarie ppositum virtutis). Однако то, что не только не служит моральной приправой, но даже уничтожает ценность той моральной приправы, которая вообще-то могла бы пойти субъекту на пользу, есть порок.

Именно поэтому обязанности по отношению к своему ближнему, вытекающие из полагающегося ему уважения, выражены лишь негативно, т. е. такой долг добродетели выражен лишь косвенно (через запрет его противоположности).

О пороках, нарушающих долг уважения к другим людям

Таковы пороки: А) высокомерие. В) злословие и С) издевательство.

А. Высокомерие

§ 42

Высокомерие (superbia и, как показывает само это слово, склонность всегда быть наверху) — это вид честолюбия (ambitio), на основе которого мы ожидаем от других, чтобы они ставили себя ниже нас, и, следовательно, это порок, противоречащий уважению, на которое каждый человек может законно притязать.

Высокомерие следует отличать от гордости (animus elatus) как любви к чести, т. е. заботы о том, чтобы ни в чем не уронить своего человеческого достоинства перед другими (поэтому гордости обычно сопутствует эпитет благородная); в самом деле, высокомерие требует от других уважения, в котором оно со своей стороны им отказывает.— Но сама эта гордость становится прегрешением и оскорблением, если она остается всего лишь требованием, чтобы другие отдавали ей дань.

высокомерие, которое представляет собой как предпринимаемые честолюбцем поиски последователей, к коим ОН считает себя вправе отнестись с презрением, несправедливо противоречит вытекающему из обязанности уважению к людям вообще; что оно есть глупость, т. е. суетность в использовании средств для достижения того, что в некотором отношении вообще недостойно быть целью; наконец, что оно даже сумасбродство, т. е. обидное непонимание, когда пользуются такими средствами, которые неизбежно приводят к прямо противоположному его цели результату (ведь высокомерному человеку каждый тем больше отказывает в своем уважении, чем более явно тот к этому стремится), — все это ясно само собой. Не столь очевидно, что высокомерный человек в глубине души всегда подл. В

самом деле, он не ожидал бы от других, чтобы они считали себя ниже его, если бы не чувствовал, что измени ему счастье, и он не сочтет для себя оскорбительным раболепствовать перед другими и отказаться от всякого уважения с их стороны.

В. Злословие

§43

Обычные сплетни (obtrectatio), или злословие, под которым я подразумеваю не клевету (contumelia), т. е. навет, за который привлекают к суду, а лишь непосредственную, не преследующую никаких определенных целей склонность распространять вредные для уважения к другим слухи, противны вытекающему из обязанности уважению к человечеству вообще: каждый такой наговор умаляет это уважение, на котором покоится побуждение к нравственно доброму, и стремится подорвать веру в него.

Умышленное распространение (propalatio) того, что умаляет честь другого, но не подсудно, даже если эти слухи правдоподобны, есть умаление уважения к человечеству вообще, бросающее в конце концов тень недостойности на весь наш род и порождающее мизантропию (нелюдимость) или презрение к господствующему образу мыслей, что, когда оно часто наблюдается, притупляет моральное чувство человека, привыкающего к этому. Следовательно, долг добродетели, вместо того чтобы давать волю злорадству по поводу выставления напоказ ошибок других, дабы тем самым создать себе славу человека хорошего или по крайней мере не менее хорошего, чем другие, - вместо всего этого набрасывать покров человеколюбия на ошибки других людей, не только смягчая суждения о них, но и замалчивая их, так как примеры уважения, которые нам подают другие, могут возбудить стремление также заслужить уважение.— Поэтому мания выведывать нравы других людей (allotrioepiscopia) уже сама по себе оскорбительна, представляя собой нескромную пародию на изучение человечества, которой каждый может с полным правом противиться как нарушению полагающегося ему уважения.

С. Издевательство

§44

Легкомысленная придирчивость и склонность выставлять других на посмешище, насмехательство, для того чтобы позабавиться за счет ошибок других, — это злоба, которая не имеет ничего общего с шуткой, с вольностью, дозволительной в среде друзей, когда смеются над вымышленными недостатками, которые на самом деле суть достоинства мужества, а иногда над отставанием от моды (такая шутка не есть издевательство). Но стремление подвергать осмеянию действительные недостатки же недостатки, приписываемые дабы действительных, кого-то лишить заслуженного уважения, и склонность к этому, страсть к язвительным насмешкам (Spiritus causticus) — вот в этом есть что-то от дьявольского злорадства, и потому это более серьезное нарушение долга уважения к другим.

От этого, однако, следует отличать, [во-первых], случаи, когда насмешливой шуткой отвечают на оскорбительные, полные презрения нападки противника (retorsio iocosa), благодаря чему этот зубоскал (или злорадствующий, но слабый противник) тоже подвергается осмеянию; [во-вторых], правомерную защиту уважения, которого можно требовать от зубоскала. Но если сам предмет не есть в сущности предмет для насмешек, а необходимо вызывает у разума моральный интерес, то, как бы противник ни насмехался, обнаруживая в то же время ряд слабостей, дающих повод для осмеяния, более соответствует, достоинству предмета и уважению к человечеству либо вовсе не давать никакого отпора нападкам, либо противопоставить им достойную и серьезную защиту.

Примечание

Легко убедиться, что в предыдущих разделах нами не столько превозносятся добродетели, сколько порицаются противостоящие им пороки; это заложено уже в самом понятии уважения, с которым мы обязаны относиться к другим и которое есть лишь негативный долг.— Я не обязан почитать других (рассматриваемых только как людей), т. е. оказывать им положительное глубокое уважение. Все уважение, к которому я обязан от природы,— это уважение к закону вообще (reverere legem), и именно к закону, а не к людям вообще (reverentia ad versus

hominem); оказывать им в этом услуги есть всеобщий и безусловный долг человека перед другими, которого можно требовать от каждого как уважения, изначально полагающегося людям] (observantia dйbita).

Давать подробное изложение и деление других видов оказываемого уважения в зависимости от свойств людей или от их случайных отношений, а именно от возраста, пола, происхождения, силы или слабости или от положения и званий,— отношений, которые отчасти покоятся на произвольных установлениях, в метафизических началах учения о добродетели не обязательно, ибо здесь мы имеем дело лишь с исходящими из чистого разума принципами уважения.

Глава вторая. Об этических обязанностях людей по отношению друг к другу с точки зрения их состояния

§ 45

Эти обязанности добродетели не могут, правда, в чистой этике дать основание для особого раздела в ее системе, поскольку они не содержат принципов обязательства людей, как таковых, по отношению друг к другу, и не могут, следовательно, составить часть метафизических начал учения о добродетели; они лишь правила, меняющиеся в зависимости от субъектов применения принципа добродетели (по формальному [элементу]) к случаям, происходящим в опыте (к материальному [элементу]); вот почему они не допускают, как все эмпирические деления, никакой действительно полной классификации. Однако, так же как от метафизики природы требуется переход к физике, имеющий свои особые правила, так и к метафизике нравов с полным основанием предъявляется подобное же требование, а именно путем приложения чистых принципов долга к случаям опыта как бы схематизировать эти принципы и представить их в готовом для морально практического применения виде. – Итак, каким должно быть отношение к людям, например, при моральной чистоте их состояния и при их испорченности; в культурном и в диком состоянии; к образованному и необразованному человеку, а среди образованных — к способным (утонченным) в применении своих знаний и к ограниченным ученым (педантам), к прагматикам и в большей степени рассчитывающим на ум и вкус; как надо относиться к людям, принимая во внимание их положение, возраст, пол, состояние их здоровья, их благосостояние или бедность и т. д.; все это дает не

многочисленные виды этического обязательства (ибо такое обязательство лишь одно, а именно обязательство добродетели вообще), а лишь виды применения (поризмы); поризмы, следовательно, нельзя привести как разделы этики и члены деления системы (которая должна а priori вытекать из определенного понятия разума), их можно дать только в приложении.— Однако именно это применение необходимо для полноты изложения системы.

Заключительный раздел [этического] учения о началах. О глубоком единении любви и уважения в дружбе

§46

Дружба (рассматриваемая в ее совершенстве) — это союз двух людей, основанный на взаимной любви и уважении. — Нетрудно заметить, что она идеал участливости и заинтересованности (Mitteilung) в благе каждого из двух, объединенных морально доброй волей, и если это и не создает всего счастья в жизни, то все же принятие счастья в образ мыслей обоих содержит в себе достойность быть счастливым, и, стало быть, дружба между людьми есть их долг.— Но легко также заметить, что дружба — это чистая (однако практически необходимая) идея, которая хотя и недостижима на практике, но стремиться к которой (как к максимуму добрых намерений по отношению друг к другу) есть заданный разумом, быть может, не обычный, но почетный долг. В самом деле, может ли человек в отношениях со своими ближними найти равенство между одной из требующихся здесь частей одного и того же долга (например, взаимного благоволения) в одном из них и тем же образом мыслей у другого, а тем более определить, каково у одного и того же человека соотношение чувства, связанного с одним долгом, и чувства, связанного с другим (например, соотношение чувства, связанного с благоволением, и чувства, связанного с уважением), и не теряет ли один чего то в уважении со стороны другого именно оттого, что оа более пылок в любви, так что обоюдная любовь и глубокое уважение субъективно вряд ли приходят в полное равновесие, а ведь именно такое равновесие требуется для дружбы? — В самом деле, любовь можно рассматривать как притяжение, а уважение — как отталкивание, и если принцип любви предписывает сближение, то принцип уважения требует, чтобы обе [стороны] держались на почтительном отдалении друг от друга;

это ограничение доверчивости, выраженное правилом: «Даже лучшие друзья не должны допускать бесцеремонной фамильярности», содержит максиму, которая действительна не только для вышестоящего по отношению к нижестоящему, но и наоборот; ведь вышестоящий, как только допускается такая фамильярность, чувствует, что его гордость задета, и ему хочется, пусть на мгновение, умалить уважение к нижестоящему, хотя и не лишить его этого уважения совсем; но однажды нарушенное уважение внутренне безвозвратно утрачивается, хотя бы внешние его проявления (церемониал) и восстановились.

Дружба в своей чистоте или совершенстве, представленная как нечто достижимое (например, дружба Ореста и Пилада, Тесея и Пирифоя),— это конек сочинителей романов. Аристотель же говорит: «Милые мои друзья, никаких друзей нет!» 42 Последующими замечаниями я хочу обратить внимание на трудности дружбы.

С моральной точки зрения, конечно, долг — обращать внимание друга на его ошибки; ведь это делается для его же блага, и, следовательно, это долг любви. Но друг усматривает в этом отсутствие уважения, которого он ожидал от первого, а именно он считает, что уже упал в его глазах или же, поскольку его друг наблюдает за ним и втайне подвергает его критике, постоянно существует опасность потери им уважения; уже одно то, что за ним наблюдают и его поучают, кажется ему обидным.

Иметь друга, когда ты в беде, — что может быть более желательным? Разумеется, если он друг деятельный, готовый помочь собственными средствами! Однако чувствовать себя связанным с чужой судьбой и обремененным чужими нуждами — это тяжкий груз.— Следовательно, дружба не может быть союзом, имеющим своей целью взаимную выгоду; этот союз должен быть чисто моральным, и поддержка со стороны другого, на которую каждый из двух друзей вправе рассчитывать в случае нужды, должна мыслиться не как цель и определяющее основание этой дружбы — в таком случае одна сторона теряла бы уважение другой, — а лишь как внешний признак глубокого душевного благоволения, которое не следует, однако, подвергать испытанию, всегда таящему в себе опасность; при этом каждый из двух друзей намеревается великодушно избавить другого от этого бремени, вынести все самому и даже проделать это в полной тайне, но в то же время он тешит себя надеждой, что в случае нужды он может наверняка рассчитывать на поддержку своего друга. Если же один принимает благодеяние другого, то он может, правда, рассчитывать на равенство в любви, но не [может рассчитывать на равенство] в уважении, ибо он ясно видит, что он стоит ступенькой ниже, что у него есть обязательство, но со своей стороны не может наложить обязательство на другого. При всей сладостности ощущения взаимного обладания, близкого к полному слиянию [двух людей) воедино, дружба вместе с тем есть нечто столь тонкое (teneritas amicitiae), что если ее основывают только на чувствах и не кладут в основу этой взаимной доверчивости и преданности [определенные] принципы и твердые правила, предохраняющие ее от бесцеремонной фамильярности и ограничивающие взаимную любовь требованиями уважения, то она никогда не гарантирована от временных ссор; подобные ссоры обычны среди некультурных людей, хотя именно поэтому они не всегда приводят к полному разрыву (ибо чернь легко ссорится и легко мирится); они не могут обойтись друг без друга, но между ними не может быть и единства, потому что сама ссора для них потребность, дабы ощущать сладость согласия после примирения. При всех условиях, однако, любовь в дружбе не может быть аффектом, ибо аффект слеп в выборе и быстро проходит.

§47

Моральная дружба (в отличие от эстетической) — это полное доверие между двумя людьми в раскрытии друг перед другом своих тайных мыслей и переживаний, насколько это возможно при соблюдении взаимного уважения.

Человек — существо, предназначенное для общества (хотя и необщительное), и в развитом общественном состоянии он чувствует сильную потребность делиться с другими (даже без особой цели); но с другой стороны, ограничивая и предостерегая себя из страха перед употреблением во зло другими его откровенности, он вынужден значительную часть своих суждений (особенно о других) скрывать. Он охотно поговорил бы с кем-нибудь о том, что он думает о людях, с которыми общается, о правительстве, религии и т. д.; но он не может отважиться на это отчасти потому, что другой, сам тщательно скрывающий свое мнение, может употребить это ему во зло; отчасти потому, что если он чистосердечно признается в своих ошибках, а другой умолчит о своих, то он может потерять его уважение.

Итак, если он встречает умного человека, со стороны которого ему не нужно опасаться указанного злоупотребления и с которым он может быть совершенно откровенен, да к тому же у этого человека такие же, как у него, суждения о вещах, то он может спокойно делиться своими мыслями; тогда он не будет наедине со своими мыслями, как если бы он находился в заключении, и он пользуется свободой, недостающей ему в толпе людей, среди которых он должен замыкаться в себе. Каждый человек имеет секреты и не должен слепо доверяться другим отчасти изза неблагородного образа мыслей большинства людей, которые могут использовать эти секреты ему во вред, отчасти из-за неразумия некоторых в оценке и различении того, что можно повторять, а что нет (из-за болтливости); все перечисленные свойства вместе редко встречаются в одном субъекте (гага avis in terris, nigroque simillima cygno43), тем более что самая тесная дружба требует, чтобы такой умный и искренний друг вместе с тем был бы обязан точно так же не сообщать никому другому доверенного ему секрета — даже если этот другой считается человеком столь же надежным — без прямого на то разрешения.

Такая (чисто моральная) дружба не есть идеал; она ([как] черный лебедь) время от времени действительно появляется и существует в своем совершенстве; но дружба, которая обременяет себя, хотя бы из любви, целями других людей (прагматическая дружба), не может обладать ни чистотой, ни желательным совершенством, необходимым для точно определяющей максимы; она есть идеал желания, который не имеет границ в понятии разума, но все же должен всегда быть очень ограничен в опыте.

Человеколюбец (Menschenfreund) вообще (т. е. друг всего рода человеческого) — это тот, кто принимает эстетическое участие в благе всех людей (радуется за ближних) и никогда без внутреннего сожаления не может его нарушить. Но выражение друг человека (Freund des Menschen) имеет все же несколько более узкое значение, чем выражение любящий людей (филантроп). В самом деле, в первом содержится также представление и принятие в соображение равенства между людьми и, стало быть, идея собственного обязательства, в случае когда ты обязываешь других своим благодеянием, как если бы все были братьями, детьми одного отца, желающего всем им счастья.— Ведь отношение покровителя как благотворителя к покровительствуемому как к человеку, обязанному ему благодарностью, есть, правда, отношение взаимной любви, но не есть отношение дружбы, так как вытекающее из

обязанности уважение этих двоих друг к другу не одинаково. Долг — благоволить к людям в качестве друга (необходимое снисхождение), и принятие [всего, что их касается], близко к сердцу служит для того, чтобы предохранить себя от гордости, обычно овладевающей теми счастливцами, которые имеют возможность благотворить.

Приложение. О добродетелях обхождения (vortutes honiileticae)

§48

Долг перед самим собой, равно как и перед другими,— воздействовать друг на друга своими нравственными качествами (officium commercii, sociabilitas); не обособляться (seperatistam age re) от других; хотя и делать себя неподвижным центром своих принципов, но рассматривать этот начертанный круг лишь как часть всеобъемлющего круга образа мыслей гражданина мира не для того, чтобы пеклись о жизненных благах как о цели, а лишь для того, чтобы культивировали средства, косвенно ведущие к ним: приятность в обществе, терпимость, взаимную любовь и уважение (приветливость и благопристойность, humanitas aesthetica et dйсогит), и таким образом приобщали грации к добродетели; осуществление этого само есть долг добродетели.

Правда, это только внешние или сопутствующие вещи (parerga), создающие видимость добродетели, которая, однако, не обманывает, так как каждый знает, за что он должен ее принимать. И хотя это только разменная монета, однако она поощряет само чувство добродетели благодаря стремлению как можно больше приблизить эту видимость к истине, проявляя доступность, словоохотливость, вежливость, гостеприимство, мягкость (в споре, который не доводится до ссоры) — одним словом, [проявляя] все это как манеру общения с выражением обязательностей, которыми обязывают также других, следовательно, [манеру], которая содействует добродетельному образу мыслей, делая добродетель по меньшей мере предметом любви.

Но здесь возникает вопрос: допустимо ли также общение с людьми порочными? Встреч с ними нельзя избежать, для этого нужно было бы бежать от общества; а в сущности наше суждение о них некомпетентно.— Но там, где порок превращается в скандал, т. е. становится публично подаваемым примером пренебрежения строгими законами долга и, стало быть, влечет за собой бесчестность, там, хотя по закону страны это

ненаказуемо, следует прерывать бывшее до этого общение или по возможности избегать его, так как продолжение такого общения лишает добродетель всякой чести и делает ее товаром, купить который может всякий, кто достаточно богат, чтобы соблазнить прихлебателя наслаждениями роскоши.